

Революционное измерение целостности права

Шульц В.Л.,

доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии наук,
заместитель президента РАН

Бочкарёв С.А.,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Института государства и права РАН
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Аннотация. В статье найдена точка соприкосновения между революцией и правом. Определено, что эпицентр их корреляции сосредоточен в феномене целостности, который для права выступает фундаментальной ценностью, а для революции — ключевой антиценностью. На примерах глобального, регионального и локального масштабов продемонстрировано, что современные представления о целостности политико-правового образования пребывают в кризисе. В прогностических целях предложено рассматривать революцию как индикатор устойчивости политико-правового устройства и эффективное методологическое средство для измерения его целостности. В связи с затронутой тематикой рассмотрена теория целостности и ее состояние в отечественной науке. Выявлены погрешности принятых на вооружение концепций, главная из которых состоит в смешении и подмене категории «целостности» явлением «системности». Обоснована необходимость обращения к человеку в его философско-антропологическом измерении как источнику подлинных представлений о целостности права.

Ключевые слова: право, революция, целое, целостность, ценность, система, антропология права, политика, человек, глобализация.

Целостность как фундаментальная ценность права и ключевая антиценность революции

Обоснование актуальности революционной тематики, на первый взгляд, не требует приложения больших усилий. Для подтверждения злободневности темы сегодня часто ссылаются на международную повестку дня и на происходящие в ее рамках события. Большинство специалистов убеждено в том, что трансформации, охватившие целый ряд стран, говорят сами за себя и в общем обозначают свои детерминанты. К их числу относят в основном политические, экономические, исторические, этнические, конфессиональные и другие предпосылки. Что касается юридической компоненты, то в этой области детерминанты ищут в меньшей степени. Преимущественно рассуждают о праве на восстание и условиях его реализации либо говорят о несовершенстве конкретных институтов правовой системы, деятельность которых способствует появлению протестных настроений. В любом случае обсуждение тематики ограничивается речью о сфере права, в которой зарождаются и реализуются революционные процессы.

Исследованию сферы революции, в которой происходят юридические процессы, и ее гносеологическому потенциалу уделяется значительно меньше внимания, то есть та же самая тема, но только при ином развороте практически не рассматривается. Хотя для изменения соотношения в паре категорий «революция — право» имеются не только методологические возможности, но и социальные основания. Трудно не заметить,

что у революционного подхода как у предельно концентрированной, крайне заинтересованной и чрезвычайно дееспособной силы имеется собственный взгляд на право. Наиболее полно он реализуется тогда, когда революция находится на пике своего становления и выступает уже как субъект социальной реальности, который рассматривает право в качестве объекта, разрушает его, возвращая общество к нецивилизованным формам сожительства его членов, либо в лучшем случае с аналогичными издержками ускоряет трансформацию «старого права» в «новое право» (монархическое в коммунистическое, социалистическое в капиталистическое и т.д.). При этом среди прочих и более важных объектов посягательств революция именно право выбирает первообъектом разрушительных посягательств и их конечной целью. Соотношение политических, экономических и других сил социума пересматривается революционерами во вторую очередь, поскольку без подавления действующего правового режима доступ к ним и к их кардинальному изменению невозможен. Также невозможно и закрепление внесенных в социальный уклад модификаций без приспособления к ним соответствующих юридических установок.

Выбор радикалов, как видно, не случаен и, безусловно, не ограничен детерминантами функционального плана. Собственный вклад вносят и факторы аксиологического порядка. Революционный взгляд видит в праве свою основную противоположность, поскольку главное предназначение его институтов состоит в обеспечении исключительно эволюционного (или закономер-

ного) варианта развития общества. Однако все эти предпосылки не уникальны и еще не исчерпывают те основания, в силу которых сторонники революции выбирают право в качестве первообъекта своих посягательств. Другие регуляторы человеческой жизнедеятельности также могут иметь целью умеренное становление социума. Представляется, что выбор радикалов обусловлен другой — более специфической чертой революции — ее устремленностью к подавлению целостности чего-либо или кого-либо. Не вызывает сомнения, что за счет именно этой (имманентной только для нее) цели каждое из качеств революции характеризуется самыми экспрессивными определениями, а сама она приобретает экстраординарную силу разрушения — свою революционность.

Философия и история права подтверждают, что выбор мятежников не беспочвенен, носит вполне адресный характер. Историософский опыт свидетельствует о том, что идея права составляет неотъемлемую часть как индивидуального, так и общественного сознания. При этом она является не только их частью. Концентрируя в себе наиболее значимые антагонизмы и механизмы их компромиссного разрешения, правовая идея также олицетворяет ту целостность, которой ее субъекты фактически располагают и к которой они стремятся как к общезначимому для всех идеалу и благу. Без правового личность, общество и государство не образуются в цивилизованное целое и не отражаются в социальных объективах как нечто правильно определенное и полностью сформированное.

За длительный период становления человека как *Homo sapiens* другой такой идеи у него не возникло. На ее место, как известно, поначалу претендовали мифические и религиозные доминанты, а затем экономические и психологические концепты, каждый из которых, особенно на пике своего становления, претендовал на статус генерального производителя и одновременно хранителя нормы общественного поведения. Но на деле оказалось, что связь человека с мыслью об универсальном и общеобязательном правиле никогда не прерывалась. Она приобретала различные черты, но интерес индивида и усилия по поиску в себе некоего правового начала не угасал. Приостанавливались работы по познанию права, построению его институтов и учреждений, забывались традиции и уничтожались юридические памятники. Однако даже в такие критические моменты мысль о справедливой мере поведения не покидала сознание человека и человечества в целом.

В итоге вопреки всем катаклизмам объективация права состоялась. Оно уверенно закрепились в сознании его субъектов, говоря словами Г.В. Мальцева, как всеобщий «образ порядка»

или как норма, которая интегрирует в себе социальные регуляторы, придает индивидуальным и групповым интересам, разнообразным целям недостающий им элемент всеобщности. Право отличается от других регуляторов способностью к высокой степени сопротивления диктатуре интересов и ценностей, если первые чрезмерно субъективизированы, а последние слишком идеологизированы. В метафизическом плане право представляет собой некую высшую ступень общественного развития, предначертанный правопорядок, а в повседневно-бытовом смысле — нейтрально-регулятивную систему, способную беспристрастно обращаться со всеми отдельными интересами, учитывать их в той мере, в какой это совместимо с общим благом, широко признанными ценностями¹.

Сформировались отрасли права, каждая из которых, без сомнения, видит своей главной целью — обеспечение социальной целостности. Конституция закрепляет общеправовой формат социального устройства, его основополагающие ценности. Уголовное право обеспечивает физическую целостность человека, общества и государства, как по отдельности, так и всех вместе. Гражданское право — баланс частных и общих интересов, соразмерность прав и пропорциональность обязанностей участников гражданского оборота, его стабильность, предсказуемость и надежность, а по сути — все ту же целостность².

Кризис целого и целостностей в мире, обществах и человеке

Востребованность революционного подхода и череда успешно совершившихся «цветных» революций, высокая вероятность их дальнейшего продвижения и легкая доступность этого инструмента служат одним из безусловных подтверждений того, что феномен целостности прибывает сегодня в эпицентре социальных процессов. Через революционные проекты прежние представления о целостности подвергаются сомнению и радикальному пересмотру, а на практике испытываются критическими нагрузками. Деформации фиксируются на всех уровнях — глобальном, региональном и локальном. Под давлением смены доминант в области индивидуального и общественного сознания, их перехода из фазы низких скоростей в плоскость перманентной и ускоряющейся динамики на каждом из отмеченных уровней идет переустройство.

¹ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 19–21, 29.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // СПС «КонсультантПлюс».

Повышенный интерес к геополитической тематике и укладываемым в ее формат событиям наиболее наглядно демонстрирует доказательство того, что появление, развитие и конечное разрешение соответствующей проблематики во многом происходит из-за необратимо изменяющихся представлений о целостности мира. О том, что сегодня эти воззрения движутся по пути от монополярности к многополярности, сказано уже многократно. Для емкой и исчерпывающей характеристики состояния дел на глобальном уровне достаточно привести слова А.А. Кокошина о том, что в современной системе мировой политики и мировой экономики, в расстановке сил между рядом государств происходят тектонические сдвиги³. Становление в мире глобального коммуникационного пространства, то есть, по сути, новых представлений о его целостности, оказывает существенное влияние, по наблюдениям В.В. Миронова, на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры⁴. В области науки революционные изменения уже диагностированы. М.В. Ковальчук, в частности, отмечает, что фактически мы являемся современниками новой научно-технологической революции. В течение ближайших 10–20 лет, по его оценкам, полностью изменится экономический уклад мира⁵.

Может показаться, что революционные процессы на уровне макросферы касаются только вышеназванных областей и лишь опосредованно затрагивают участников правового бытия или вообще не имеют отношения к юридической повседневности. Изменение в господствующих тенденциях привело к децентрализации национальных систем права и появлению у них новых модераторов, служащих для этих систем и точками опоры и в то же время очагами конфликтности. Обнаружена нехватка средств для полноценного отображения быстро меняющихся интересов субъектов правовой действительности. Произошли существенные подвижки в статусе традиционных субъектов права. Их суверенитет во внутренних делах уже не имеет прежней исключительности. В современных условиях, как отмечает В.С. Степин, власть в политико-правовом планировании ориентирована больше на тактические программы. Стратегия, отвечающая нынешним проблемам планетарного масштаба и

связывающая настоящее поколение с будущим, национальным правительствам уже не под силу. Неотъемлемой частью глобализационных процессов стала набирающая остроту проблема соотношения идеи прав человека и идеи прав народов. Не так далеки и те времена, по наблюдениям и ожиданиям В.С. Степина, когда право даже на декларативном уровне не сможет обеспечить реализацию принципа формального равенства своих субъектов⁶.

На региональном уровне не менее ясно просматривается, что целый ряд, казалось бы, устойчивых стран оказался не готов к трансформациям целостностей. Республика Украина демонстрирует пример плачевного исхода правового строя и всего социального уклада под давлением произошедших перемен. Причин тому могут назвать предостаточно. Однако представляется очевидным, что большинство подобных Украине государств (Грузия, Киргизия, Молдавия и др.) было повержено цветными революциями, поскольку национальные средства правового мониторинга не сработали в критической ситуации. Правозащитные механизмы, предназначенные для скрепления общества и сохранения его целостности, не выполнили свою задачу. Их ахиллесовой пятой оказалась полная зависимость от политической осмотрительности, подготовленности и адаптивности.

Отмеченные события стали возможны из-за неподготовленности правоохранительной системы. Ее средства наблюдения не смогли отследить то, что внутренние противоречия, продолжительное время остававшиеся неурегулированными, попали в область интереса «третьих лиц», стали использоваться ими в качестве удобного предлога для «раскачки» обществ и в конечном счете привели к краху некоторые политические режимы. Система юстиции оказалась не готова и к тому, что большинство социальных параметров изменили прежние значения. В моменты общественного напряжения бюрократия не смогла оценить масштаба угроз, формата проблем, определить состав действующих лиц и степень их активности. Для нее оказалось неожиданным, что при незначительном внешнем воздействии вечно «тлеющие» несогласованности скоротечно трансформировались в бескомпромиссные противоречия и разрушительные конфликты. У власти, иными словами, возникли сложности с целовосприятием населяющих страну сообществ и объединяющих их культурных, исторических, экономических, политических и правовых ценностей.

С подобными затруднениями столкнулись и те государства, которые уже «пали», и те, кото-

³ См.: Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В. Сценарный анализ в управлении геополитическим информационным противоборством. М.: Наука, 2015. С. 5.

⁴ См.: Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2006. № 4. С. 34.

⁵ См.: Ковальчук М.В. Нанотехнологии — фундамент новой наукоемкой экономики 21 века // Российские нанотехнологии. 2007. Т. 2. № 1–2. С. 6–11.

⁶ См.: Степин В.С. Философия в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Сер.: 7. Философия. 2006. № 4. С. 32–33.

рые пытаются устоять под давлением новых веяний времени. Каждому из них с тем или иным успехом предстоит пережить соответствующие изменения. При этом обозначенные трансформации касаются не только государственных образований и их бюрократических аппаратов. Все на том же примере Украины можно убедиться, что схожие проблемы возникли у подавляющего числа рядовых участников междоусобных процессов. Многие из них проявили неспособность к общему соизмерению индивидуальных и коллективных интересов. Закон перестал ими восприниматься в качестве путеводной нити и самодовлеющей величины. В определенный момент они его оставили и подчинились политическим искушениям. В итоге привели к власти не большинство и даже не меньшинство, а тех, с которыми в этом обществе, по выражению Л.Н. Толстого, казалось окончательно было решено по ничтожеству этих лиц⁷.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что касающиеся целостности дилеммы задевают всех и каждого субъекта права. Самым непосредственным образом в исследуемые трансформации вовлечен рядовой человек. Собственно он и выступает их живым источником. В основном и прежде всего через человека процесс революционной деформации существующих целостностей приобрел цивилизационный масштаб. Другое дело, что сам отдельно взятый индивидум еще в недостаточной мере понимает характер происходящих под его началом дестабилизаций и именно поэтому неосознанно вступает с собой в противоречие. Из-за непонимания он бунтует. Где-то еще внутри себя, а в целом ряде обозначенных стран уже вовне человек выражает недоумение и неудовлетворение прежними средствами жизнедеятельности и познания, в том числе правовыми укладами, которые ранее были им выбраны, апробированы и успешно применялись, а ныне на его удивление демонстрируют свою неэффективность и кризис возможностей.

В зависимости от степени соотнесенности внутренней и внешней составляющих, уровня их готовности и предрасположенности к подчинению силам влияния, для бунта могут появиться достаточные основания. О состоянии внешнего компонента — неподготовленности политико-правовых институтов — здесь уже было сказано. Важно отметить, что существует внутренняя предрасположенность и готовность человека к изменениям. На локальном уровне социальные мыслители уже фиксируют, что сегодня индивид порывает со старым. Он, как писал С.Л. Франк, убеждается в том, что старое, как будто стройное, согласованное и неразрывное целое,

в состав которого входили правовые отношения и государственный порядок, оказалось мнимым целым. Оно, по словам мыслителя, разложилось на глазах, и нам уяснилась его сложность, противоречивость и несогласованность. Обнаружилось «различие и даже противоположность между истинной просвещенностью и блеском внешней образованности, между внутренними нравственными основами жизни и официально возвещаемыми лозунгами или внешне нормированными правовыми и политическими отношениями, между культурой духа и культурой тела»⁸.

«Растет отделение мира *объективного*, созданного разумом в согласии с законами природы, от мира *субъективности*, прежде всего являющегося миром индивидуализма <...> Такое разделение, — утверждает А. Турен, — заменило единство мира, созданного по воле Бога, Разума и Истории, двойственностью рационализма и субъективизма»⁹. Человек конца XX в., как пишет Норбер Рулан, «завоевал бесспорную индивидуальную свободу ценой разрушения общественных связей, которые, конечно же, его стесняли, но одновременно и защищали»¹⁰. Несмотря на успехи науки, а может быть, как раз благодаря им, отмечает антрополог, контуры мира и человека вдруг оказались размытыми. Чтобы соответствовать такому человеку, юридической сфере необходимо принимать во внимание его разнообразие и в работе над осмыслением общности не преувеличивать значение единообразия, чем традиционно грешила классическая модель права¹¹. Философы убеждены в том, что наступил раскол индивидуальной и социальной собранности, а вслед за ними и правовой целостности. Они сходятся во мнении, что современное видение рационального мира, организуемого общими и даже универсальными категориями, сегодня требует серьезной корректировки (Н. Рулан). Специалисты уверены, что без нового целого мы весим в воздухе среди какой-то пустоты или, по выражению С.Л. Франк, среди тумана.

Таким образом, представляется очевидным, что у всех заинтересованных сторон проявилась, как писал П. Тейяр де Шарден, одна и та же неспособность — правильно судить о целом¹². Цена такой оплошности известна. Страны, общества и граждане заплатились собственной *полноцен-*

⁸ См.: Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин: YMCA-Press, 1924. С. 35–42, 44–51.

⁹ Touraine A. Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992. P. 14–15.

¹⁰ Рулан Н. Историческое введение в право: учеб. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 2005. С. 525.

¹¹ См.: Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. С. 298.

¹² См.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. С. 195–196.

⁷ См.: Толстой Л.Н. Война и мир. Ч. 3, § XVIII.

ностью. Утратили государственность как основное цивилизационное завоевание и достижение, *единовключающее* в себя правосубъектность общества, его политическую самостоятельность, экономическую достаточность и территориальную целостность.

Теория целостности и ее состояние в отечественной науке

Судя по развернувшейся в литературе дискуссии можно уверенно сказать, что ведущими специалистами в общем диагностирован нерв времени. В той или иной мере почти все они заняты сбором и идентификацией данных о новом облике права, который бы всецело отвечал изменившейся социальной действительности. В самых разнообразных контекстах они оперируют именно теми категориями, которые так или иначе связаны с понятием «целое» либо с его антиподом. Одни ведут речь о необходимости оставления в прошлом «общей теории государства и права» и предлагают впредь рассматривать теорию права в единстве ее трех основных аспектов: философии права, социологии права и юридической догматики¹³. Другие сетуют на отсутствие *единого* философского и теоретико-правового подхода к юриспруденции (распространены идеи невозможности познания бытия, в том числе правового, отрицается гносеология, утверждается ненужность установления объективной истины и т.д.), которым они объясняют многие науковедческие трудности. Третьи ратуют за спецификацию права — появление новых отраслей права (в том числе законодательства), а четвертые выражают по этому поводу глубокие сомнения. Пятые обращают внимание на то, что подавляющая часть правовых исследований не учитывает характерные для общества постмодерна черты — фрагментаризацию социума, глобализацию его инфраструктурных возможностей, взаимопроникновение культур, размывающее нормы поведения. Шестые солидарно подчеркивают, что юриспруденция не может оставаться в стороне от тех изменений, которые происходят в социальной философии и связаны с трансформацией научной картины мира. Обосновывают необходимость обращения в целях познания права к социокультурной антропологии как постклассической научно-исследовательской программе, которая формируется в качестве ответа на изъяны классических юридических изысканий и признает человека основой правовой системы.

¹³ См., напр.: Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 21; Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 49–62.

В общем, не вызывает сомнений то, что так или иначе юристы заняты поиском модифицированного образа права, а философия и теория права располагает неплохим инструментарием для разработки проблем концептуального порядка. Высказываются мнения, что он вполне самодостаточен и пригоден для восприятия права во всем его многообразии. Предоставляет почву для обобщения и анализа правового опыта, его синтеза и системного исследования, интегративного осмысления правовой среды. Схожие суждения звучат и о самодостаточности политико-правового устройства, которое организовано, как отмечают специалисты, по всем канонам принятой на вооружение теории государства и права. Указывают на наличие в его составе полного комплекта институтов, каждый из которых занимается своим делом, а в целом дополняют и уравновешивают друг друга.

Однако социальная действительность все же свидетельствует об обратном. Своим исходом она утверждает, что, так или иначе, но прежние практические и теоретические разработки недостаточны для целостного осмысления, полного описания и должного отражения на ценностно-нормативном уровне протекающих в мире права и человека процессов. Сам факт возникновения революционных движений и их успешная реализация указывают на то, что в относительно стабильные времена взглядам на право как на целостное явление не уделялось должного внимания. В прогностических целях целостность и устойчивость правового устройства не подвергались революционному измерению. Опыт заставляет обратить внимание и на неудовлетворенное качество постановки рассматриваемой проблемы, на определенную недосказанность или опосредованность познания заявленной темы, на отсутствие напрямую заданного и с должной всесторонностью осмысленного вопроса о том, каким в современных условиях должен быть целостный взгляд на право? В чем или в ком скрывается его собственная цельность? В конечном счете к какой целостности должны стремиться с помощью права человек и общество в целях самосохранения и развития? И самое главное — откуда и как черпать обо всех этих целостностях достоверную информацию?

Значение отмеченных вопросов нельзя недооценивать. В социальной философии, к примеру, уже радеют над их разрешением. Специалисты рассматривают целостность как методологический принцип, оценивают его как креативный подход в познании и науках, изучают эффективность, своеобразие и свойства получаемых с помощью этого подхода результатов¹⁴. В тематиче-

¹⁴ См., напр.: Солонин Ю.Н. Целостность как методологический принцип в культуроведении // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 4 (70). С. 16.

ском плане они размышляют над целостностью знания и понимания, целостностью и нелинейностью глобализации, целостностью человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей. Значительное внимание уделяется анализу процесса развития представлений о целостности в западной и восточной философии. Обосновывается мысль о зависимости понимания проблемы целостности от фундаментальных оснований главной культурной доминанты¹⁵.

Сложнее обстоит дело с исследованием поставленных вопросов в теории права и государства. Значимых усилий по использованию гносеологического потенциала феномена «целого» и поиску цельного облика права в ней не наблюдается. В наличии, конечно же, имеются отдельные работы, в которых предпринята попытка оценки разного рода целостностей: правовой политики, государства, властно-правовой структуры, нормативно-правовой модели и т.д. Однако в большинстве случаев целостность становится у авторов категорией второго порядка и по отношению к другим терминам занимает подчиненное положение. Как правило, о ней не ведут речь как о самостоятельном явлении. Дискуссию о целостности специалисты сводят к разговору о характерной черте, признаке, качестве, свойстве и т.д. В итоге до сих пор остаются без ответов вопросы о том, какие сегодня концепты о целом и цельном предлагает наука о праве? Изменились ли они? Или по-прежнему доминируют представления о праве как о безотносительной совокупности правил поведения? Впрочем, для Л.И. Спиридонова ответы на названные вопросы вполне ясны. По его мнению, преобладают именно такие и подобные им определения. Они заполняют страницы руководств по изучению юриспруденции¹⁶. Работы над поиском целостного облика права, модифицированного образа государства и общества российского, отвечающих вызовам современности и будущего, являются редкостью.

Как правило, «целое» в теории рассматривается в сопоставлении с «частью». Оба явления воспринимаются как основные познавательные категории, выполняющие в юриспруденции методологические функции¹⁷. В их понимании специалисты исходят из общенаучного статуса этих категорий. Целостность государства, к примеру, рассматривают как один из его системных признаков, который связан и зависит от уровня взаи-

модействия различных структурных элементов и от характера возникающих в его пределах разнообразных связей. По этой причине юристы воспринимают государство как весьма динамичное, постоянно развивающееся и совершенствующееся системное явление¹⁸.

Таким же образом специалисты оценивают и целостность права. Ее они непременно связывают с системой права. В качестве некоего иного образования право практически не исследуется. При этом оба явления, как правило, рассматриваются с естественнонаучных позиций. В описании целостности права используется опыт познания органических и неорганических систем. Большинство рассуждений выводится из представления о том, что системность и целостность являются характерными чертами материальной действительности и всей Вселенной, в том числе общества и права. В связи с этим распространенным является убеждение, что правовая материя, как и любая другая материя, неизменно носила и носит системный характер. О целостности в конечном счете говорят как о характерной черте, указывающей на высокий уровень организованности, связанности и упорядоченности структурных элементов системы права¹⁹. Основной смысл целого сводят к структурно-упорядоченному единству элементов, к их стабильности, взаимной интегрированности друг в друга и в систему, а также к их внутренней связанности и организованности²⁰.

Преимущества системного подхода говорят сами за себя, а в самое главное — заверяют в наличии искомой методологической инфраструктуры. Убеждают в том, что лучше этого теоретического средства для целостного осмысления политико-правовой действительности не существует. Большинство считает названный метод априори предназначенным для концентрации внимания на целостность любой структуры. Свой вклад в укрепление позиций системного подхода в юриспруденции внесли догматизм, нормативизм, историцизм, материализм и иные направления позитивистского толка. Однако представляется, что именно в подмене феномена целостности явлением системности, в преувеличении потенциала последнего кроется ахиллесова пята современных представлений о целостности отечественного правового уклада и государственного устройства.

¹⁸ См.: Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2014. С. 242.

¹⁹ См., напр.: Марченко М.Н. О признаках «системы» и системном характере права // Вестник МГПУ. Сер.: Юрид. науки. С. 41–54.

²⁰ См., напр.: Афанасьев В.Г. Проблема целостности философии и биологии. М.: Мысль, 1964; Блауберг И.В. Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник, 1977. М.: Наука, 1977. С. 5–28; Синельников Б.М., Горшков В.А., Свечников В.П. Системный подход в научном познании. М.: Пресс, 1999.

¹⁵ См., напр.: Станкевич Л.П., Полякова И.П., Линченко А.А. О понимании целостности в западной и восточной философии // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общ. науки. 2013. № 6 (178). С. 147–152.

¹⁶ См.: Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М.: Проспект, 2000. С. 88.

¹⁷ См., напр.: Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М.: СГУ, 2009. С. 202–222.

На фоне высокого уровня динамизма социальных процессов наиболее отчетливо просматривается, что прежние надежды на системное исследование права, его субъектов, институтов, норм и сфер действия, их рассмотрение во взаимосвязи не оправдывают себя. Такая черта системного подхода, как его целеустремление на учет и охват *всех* взаимосвязей, выявление *полной* совокупности отдельных структурных частей, определение роли *каждой* из них в общем процессе функционирования системы, указывает на наличие в его основе абсолютистских и идеалистических начал. Сторонники системного подхода упускают из вида известные данные о том, что только технические узлы в механических устройствах, клетки в биологических организмах и ядра атомов в химических реагентах не меняют своих ролей. В социальных же процессах, тем более современных, роли у структурных частей общества (в том числе его правовых агентов) меняются оперативно и перманентно (к примеру, был истцом, а стал ответчиком; был потерпевшим, а стал обвиняемым, или наоборот). Их учет, а тем более полный охват практически невозможен.

В этом смысле системный принцип, в его традиционном понимании, за благородной и, казалось бы, безусловно необходимой всесторонностью в действительности скрыто ориентирует на достижение недостижимых в социальном контексте полноты и объективности. Свидетельствует о неопределенности решаемой задачи и о почти бесконечной множественности преследуемых целей. На сей счет К. Маркс в свое время справедливо заметил, что «форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное»²¹.

Не учитываются и другие издержки системного подхода. В частности, игнорируются обоснованные замечания А.И. Пригожина, который на примере различного рода социальных организаций обратил внимание на то, что системный подход не предназначен для оценки широко распространенных в человеческой общности спонтанных процессов внесистемного и контрсистемного порядков, не применим в условиях высокой непредсказуемости. Системность, как отмечает А.И. Пригожин, означает непротиворечивость, но ценностные ориентации в организации и даже у одного ее участника иногда противоречивы до несовместимости и никакой системы не образуют²².

Недооцениваются и слова Д.А. Керимова, который писал, что целостный взгляд на объект

часто подменяют системным подходом. Но всякая система есть только одна из разновидностей целого. Часто упускается, что в социальной природе существуют и несистемные целостности. Правовая целостность, как отмечал правовед, может быть и системной, и несистемной; как объективной, закономерной, так и субъективной, произвольной. Именно поэтому-то структуру в праве и тем более в законодательстве нельзя характеризовать только как непременно закономерную связь между элементами целого²³.

При оценке достоинств системного подхода не учитывается и то, что воззрения на право как на систему являются продуктом активно развивавшейся на протяжении всего XX в. нормативистской школы права. Ее представители рассматривают право как единую систему норм и стремятся исследовать эту систему саму по себе. Однако важно понимать, что появление отмеченной школы не случайно. Ее базовые начала зиждутся на нормативной или, по М.К. Мамардашвили, «законодательной» теории познания.

Основанная на культуре XIX–XX вв., названная теория всякую дисциплину развивает в пределах «аполитичных» и «строго логических» традиций; в рамках убеждений о том, что человек, общество и государство как основные субъекты права функционируют по некоей универсальной или идеально-типической модели. Имманентным для такого пути является экспликация связи и смысла с точки зрения того, какими эти последние *должны быть*. Для этого направления характерно задавать нормы познавательному процессу, пояснять и обобщать идеальный смысл еще неисследованной объективности и тех связей, в каких эта объективность фактически достигается. «Законодательная» теория всякий раз предлагает специалистам использовать образцовую установленность (то есть состоящий из простых номенклатурных единиц интеллектуальный аппарат) и на ее основании объяснять содержание — глядеть на мир и происходящее в мире изнутри понятия о мире (находясь внутри его мысленной сущности и глазами этой сущности)²⁴. Реконструируемая на основании «законодательной» теории система не связана с действительностью права, поскольку не выделяет ее для себя и не описывает связанные с нею события. Она лишь по своему подобию объясняет содержание, внутренне наполняющее событие, но само событие как некоторую правовую целостность не отмечает и не оценивает.

В итоге не действительность, а представления о политике, государстве, праве и других объектах выступают источником взглядов на

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 548–549.

²² См.: Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.

²³ См.: Керимов Д.А. Указ. соч. С. 209, 210, 212.

²⁴ См.: Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 13–14.

соответствующие целостности. На деле, таким образом, реализуется чисто догматический вариант их развития. Рассуждения о целостности формируются при помощи простых логических операций, в направлении от понятия «системы» к понятию «права», а затем уже к определению «системы права». Об образе целостности судят на основании знаний о системе и их шаблонного наложения на сложившиеся представления. По результатам толкования и понимания термина «система» в праве и государстве обнаруживают системные свойства, структуру, множество взаимосвязанных частей и элементов. Реже в познании целостности исследователи отталкиваются от конкретной действительности. С помощью таких умозаключений не обеспечивается связь понятия с сущим и существующим. Не достигается понимания того, какой социальной целостности должно служить право и какую целостность его субъектам и институтам необходимо правообразовывать и нормовоспроизводить? При какой целостности в итоге право способно выполнять свое бытийное предназначение?

Целостность права и ее антропологические основания

Разработчики системного подхода к праву на определенном этапе ощутили его ограниченность. Они не могли не увидеть, к примеру, то, что изобретенный ими юридико-схематичный конгломерат под названием «система права» не предусматривает места для многого из того, что непосредственно связано с правом и даже составляет его неотъемлемую часть, обрекается их позицией к существованию за пределами системы и даже самого права. Решили ее доработать или, как отмечает М.И. Байтин, найти определенный компромисс между сторонниками нормативного и широкого понимания права²⁵.

В итоге нормативисты внесли и сами же в 1980-х гг. спешно одобрили предложение по нивелированию пределов теории *системы права* путем разработки дополнительной категории — *правовой системы*. Необходимость в ней многие из теоретиков признали, а введение в научный оборот объяснили тем, что наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность в синтезе ведет к новой теории, более адекватно обобщающей данные анализа. Решению такой задачи, по мнению В.Н. Кудрявцева, А.М. Васильева и В.П. Казимирчука, более всего отвечает идея *правовой системы*²⁶. Понятие *правовой систе-*

мы, по убеждению С.С. Алексеева, должно охватить совокупность всех известных правовых явлений, чтобы «сохранить четкость, “неразмытость” научной категории, выражающей главное в правовой действительности, — институциональное социально-классовое нормативное образование, то есть объективное право»²⁷.

Однако введение отмеченной категории не избавило системный подход от имманентных ограничений в восприятии права и вообще мало что изменило в понимании права, его целостности и структуры. Немалая часть юристов ядром *правовой системы*, как и *системы права*, вновь объявила норму²⁸. Нормы, по мнению В.Н. Кудрявцева и А.М. Васильева, являются систематизирующим фактором для правовой системы, обеспечивают ее целостность. Главный недостаток устранен не был. Человеку в юридической системе как носителю прав и обязанностей, производителю и исполнителю норм поведения так и не нашлось достойного места. Попытки ряда авторов отстоять его положение не увенчались успехом²⁹. Связь норм с человеком и обществом как основными субъектами права, а через них и с юридической действительностью также не обеспечена. Оказалось, что человек противопоставлен системе и праву в целом. Некоторыми правоведами вполне серьезно утверждается, что в правовую систему должны входить права, свободы и обязанности, но не их субъекты. Разделяется убеждение о том, что «включение самих субъектов права в правовую систему, тем более в качестве “ядра”, “главного компонента” правовой системы, лишает последнюю качеств “правовой” и “системы”, превращая понятие правовой системы в бессодержательную, лишённую здравого смысла абстракцию»³⁰.

Не вызывает сомнений, что человек выведен из обеих систем не напрасно. Его вытеснение носило продолжительный и целенаправленный характер. Делалось это, как ни странно, для обеспечения устойчивости и стабильности систем, сохранения ими своей целостности. Индивид как своего рода их «разрушитель» — носитель не только рационального, но и иррационального — был намеренно выведен юристами за пределы структуры права. Ему отведено место в узкоспециальной теории правоотношений, в которой само собой разумеющимся считается,

²⁷ См.: Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 31.

²⁸ См., напр.: Фарбер И.Е. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 59.

²⁹ См., напр.: Семитко А.П. Российская правовая система // Теория государства и права. Екатеринбург, 1996. С. 483.

³⁰ См., напр.: Глебов А.П. Правовая система России и ее развитие // Российское государство и правовая система. Современное развитие, проблемы, перспективы / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: ВГУ, 1999. С. 325; Байтин М.И. Указ. соч. С. 166.

²⁵ См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 151.

²⁶ См.: Правовая система социализма: в 2 кн. Кн.1: Понятие, структура, социальные связи / отв. ред. А.М. Васильев. М.: Юрид. лит., 1986. С. 31–32.

что система отношений субъектов права должна быть подчинена очередному нормативистскому императиву — безусловному подчинению единичного (или частного) общему. Признанным является, говоря словами Е.Н. Трубецкого, что право как норма ограничивает свободу личности ради интересов общества взамен на предоставленные индивидууму известной сферы свободы, на которую не должны посягать остальные члены общества³¹.

В итоге путем подмены целостности права юридической системой и исключением из нее человека нормативисты исключили из сферы своих исследований источник подлинных знаний о целостности. Они не обратили внимания на первоценное значение феномена целостности для человека. Упустили то, что целое имеет самое непосредственное отношение к менталитету человека, к его психофизиологическому концепту, где обеспечивает устойчивость индивида как внутри, так и вовне. Тяга человека к цельному или, иначе, полному восприятию всего, в том числе социального, не случайна. Она имеет антропологическое происхождение. Подобная склонность глубоко и надежно укоренена в сущности человека. Эта склонность, как писал Н. Гартман, есть совершенно латентная, скрытая от предметного сознания убежденность, которая всюду сопутствует человеку как сплошной феномен. Последний не может думать ни о себе, ни обо всем окружающем его мире в отрыве, так же как не способен идти одновременно больше, чем по одному пути. При этом целокупность для него имеет не только гносеологическое значение. Она несет значимую аксиологическую нагрузку. По классификации мыслителя, полнота входит в группу основных ценностей человека, поскольку характеризует многие дифференцированные способы его поведения. Сквозь ее призму им понимается все и делаются любые этические оценки во всем разнообразии жизненных ситуаций³². Человеку, писал мыслитель, выпадает задача из двойственности сделать единство — более высоко сформированное замкнутое целое. Конечно, единство существует лишь в идее; так как эта задача никогда не выполняема, единство не может быть свершившимся³³.

Существование в языке человека таких понятий, как «мир», «вселенная», «галактика», «бытие» и даже «бесконечное», «невообразимое» или попросту «небытие», служит одним из доказательств того, что для него является жизненно необходимым иметь не только и не

столько исчерпывающее, сколько в определенной мере и на некотором этапе завершённое, как ему кажется, полноценное представление о каком-либо явлении. Иначе он не признает, отрицает либо пребывает в сомнениях о возможности и реальности феномена. «Целое» помогает ему считаться с пока еще непостижимым, допускать, а не устранять сосуществование противоречивого. «Полное» не позволяет разрушить единое. Оно помогает справиться с величиной многообразия, служит постоянно действующим средством для его переработки и органического объединения.

Человек не может отказаться от целостного или «общего обзора», поскольку его предпосылки вытекают из собственного сознания, а прототипом выступает рефлексия к самоопределению. Последняя заключает в себе механизм самоидентификации в условиях нравственного выбора дееспособным человеком. Обобщающий взгляд служит индивиду и системой координат, и средством навигации. С его помощью он в самом широком смысле определяет свое местоположение в мире природы, обществе и ноосфере в целом. Собственное тело служит в структуре сознания человека и собирающим, и фокусирующим устройством, цельнообразующим в его взгляде на весь мир. Наваждение плюрализма с множеством независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия — явление временное и переживаемое. Сегодня его нужно воспринимать лишь в качестве предвестника появления более сложного по своей организации целого и цельного.

Революция как индикатор устойчивости права и средство измерения его целостности

Игнорирование сущности целостности, ее происхождения из коренных свойств русского человека и органических потребностей народного духа как собственных оснований уже приводило российское государство к известным последствиям — к русской революции, которую по праву называют крупнейшим событием общеевропейской и русской истории. Надо полагать, что такой статус она приобрела не только в силу высочайшего уровня своей катастрофичности. Немалое влияние на оценку историками значения русской революции оказал феномен обнажения подлинных оснований общественного устройства и разительного несоответствия ему наложенной на него политико-правовой формы, на что до этих пор обращали внимание преимущественно лишь классики русской литературы. Сословно, занимавшемуся обустройством российской государственности, отмеченные основания были не интересны. Несмотря на то, как отмечал П.Н. Милюков, что русские

³¹ См.: Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб.: РХГИ, 2001. С. 336.

³² См.: Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 390.

³³ См.: Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра: сб. ст. нем. мыслителей начала XX в. СПб.: Азбука, 2001. С. 207–274.

государственные учреждения, происходя из-за границы, оставались чуждыми русской душе³⁴, чиновники этого упорно не замечали и продолжали во всем руководствоваться методом внешнего заимствования. Это, правда, касается и модераторов общественного сознания того периода, которые, как высказывался И.Л. Солоневич, подходили к познанию русской государственности через импортирование различного рода схоластических учений, как будто у нее не было своего строителя и архитектора³⁵.

По оценкам знатоков русской революции, истинные причины этого трагического явления лежат, как писал С.Л. Франк, не в корыстных вождениях участников междоусобных процессов, а в духовной неудовлетворенности народа в деле искания целостной и осмысленной жизни, все части которой к 1905-1917 гг. претерпели существенные изменения и уже не находились в былом сцеплении. Общество изменило свою структуру и вступило в эпоху раздвоения — как внешнего, социально-политического, так и внутреннего, духовного. Произошла гибель старого боярства и появление поместного дворянства. Государственное здоровье, единство общественного сознания и духовная целостность, по словам мыслителя, были утрачены при «старом порядке»³⁶. Однако если ранее сцепление частей с целым не отличалось крепостью и поддерживалось в основном пассивной привычкой к подчинению, то к моменту свержения власти появившаяся на горизонте мужицкая Россия уже никаким образом не «хотела отождествлять себя с государством, чувствовать себя частью государства, ответственной за целое»³⁷. Повсюду было распространено, как писал И.А. Ильин, нежелание отстаивать Россию и держать общий фронт³⁸.

Утрадилось общее понимание целостности, причин и оснований, оправдывающих объединение его частей. Однако, по наблюдениям мыслителей, из-за того что повсеместно на вооружение были приняты не отражающие национальную действительности понятия и теории, многое из происходящего в тот период в обществе и с самим обществом осталось незамеченным. Главное из недооцененного, по мысли В.В. Розанова, состояло в угасании в народной душе идеала — веры в царя, который во все времена на Руси воплощал в себе подлинный фундамент рус-

ской государственности³⁹. Трагическое положение и стечение способствующих его усугублению факторов сознавалось смутно. Из-за доктринерской близорукости не было видно и того, что уже ничто не служило укреплению единственной опоры государственности. Сословные отношения, как писал С.Л. Франк, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии не образовывали собой государственное устройство, не воспроизводили собой целостность общества и не служили его устойчивости. Все это, как было диагностировано уже после революции, в той или иной мере не имело непосредственных корней в народном сознании и держалось лишь силою царской власти.

Важно отметить и то, что оценивать политико-правовое состояние было некому. Администрация или, говоря словами Ю.С. Пивоварова, «русская институциональная система», занималась своим делом. Ей во всем не хватало целовосприятости. Ни для осознания бюрократией собственного существа, которая поэтому, по выражению политолога, при всей ее грозности, грузности, громадности, оставалась чрезвычайно неустойчивой, неэластичной и неэффективной, хрупкой и ненадежной⁴⁰. Ни для понимания окружающих социальных процессов. По отмеченной причине все свое дело система свела к борьбе с внешними проявлениями революции, слепому истреблению и искоренению.

В итоге, как писал Ф.М. Достоевский в своих набросках к «Бесам», «просмотрели Россию»⁴¹. На следующий же день после ликвидации отдельных разложений, раздоров и бунтов, неожиданно очутились перед лицом революции, о наличии и силах которой, как писал С.Л. Франк, не подозревали. Не усмотрели ее подземного существа, не отделили и не отличили онтологических глубин революции от пены и накипи революционного волнения — от всех официальных лозунгов, сознательных идей.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в статье предпринята попытка найти подлинную точку соприкосновения между феноменами «революции» и «права». По результатам определено, что эпицентр их корреляции сосредоточен в явлении «целостности», которая для права выступает фундаментальной ценностью, а для револю-

³⁴ См.: Милюков П.Н. Почему русская революция была неизбежна? // Русская идея: в 2 т. Т. 2 / сост. В.М. Пискунов. М.: Искусство, 1994. С. 121.

³⁵ См.: Солоневич И.Л. Дух народа // Там же. С. 298–299.

³⁶ См.: Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская идея. С. 25–31.

³⁷ Милюков П. Указ. соч. С. 121.

³⁸ См.: Ильин И.А. Русская революция была катастрофой // Русская идея. С. 292.

³⁹ См.: Розанов В.В. Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. СПб.: Книгоизд-во М.В. Пирожкова, 1906.

⁴⁰ См.: Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Полис. Политические исследования. 2007. № 5. С. 35–55.

⁴¹ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 66.

ции — ключевой антиценностью. На примерах глобального, регионального и локального масштабов продемонстрировано, что современные представления о политико-правовых целостностях пребывают в кризисе. В мире, обществах и человеке идет их слом. При выдвигании модифицированных рекомендаций по государственно-правовому устройству предложено в прогностических целях рассматривать революцию как индикатор устойчивости политико-правовых организаций и эффективное методологическое средство для измерения их целостности. В связи с затронутой тематикой рассмотрена теория целостности и ее состояние в отечественной науке. Выявлены погрешности принятых на вооружение концепций, главная из которых состоит в смешении и подмене категории «целостности» явлением «системности». Обоснована необходимость обращения к человеку в его философско-антропологическом измерении как источнику подлинных и актуальных представлений о целостности права.

Через внимание к современному опыту зарубежных стран и историческому наследию России актуализирована потребность оценки устойчивости и целостности отечественного политико-правового устройства. Для этого, по оценкам специалистов, имеются все основания. М.К. Горшков, в частности, обращает внимание на те характерные черты и особенности исторического самосознания россиян, которые к сегодняшнему дню претерпели глубокие и масштабные изменения, в том числе в социальной структуре постсоветской России, в отношении различных групп населения к государственным, политическим и гражданским институтам, к ключевым внешнеполитическим процессам⁴².

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34.
2. Афанасьев В.Г. Проблема целостности философии и биологии. М.: Мысль, 1964. 416 с.
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правописание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
4. Блауберг И.В. Целостность и системность // Системные исследования. Ежегодник, 1977. М.: Наука, 1977. С. 5–28.
5. Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра: сб. ст. нем. мыслителей начала XX в. СПб.: Азбука, 2001. С. 207–274.
6. Гартман Н. Этика. СПб.: Владимир Даль, 2002. 708 с.
7. Глебов А.П. Правовая система России и ее развитие // Российское государство и правовая система. Современное развитие, проблемы, перспективы / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 1999. С. 280–610.
8. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
9. Ильин И.А. Русская революция была катастрофой // Русская идея: в 2 т. Т. 2 / сост. В.М. Пискунов. М.: Искусство, 1994. С. 286–296.
10. Керимов Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 5-е изд. М.: СГУ, 2009. 521 с.
11. Ковальчук М.В. Нанотехнологии – фундамент новой наукоемкой экономики 21 века // Российские нанотехнологии. 2007. Т. 2. № 1–2. С. 6–11.
12. Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 49–62.
13. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 20–31.
14. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма: Инфра-М, 2013. 800 с.
15. Мамардашвили М.К. Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). М.: Языки русской культуры, 1997. 216 с.
16. Марченко М.Н. О признаках «системы» и системном характере права // Вестник МГПУ. Сер.: Юрид. науки. С. 41–54.
17. Милоков П.Н. Почему русская революция была неизбежна? // Русская идея: в 2 т. Т. 2 / сост. В.М. Пискунов. М.: Искусство, 1994. С. 119–128.
18. Миронов В.В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2006. № 4. С. 34–48.
19. Пивоваров Ю.С. Истоки и смысл русской революции // Полис. Политические исследования. 2007. № 5. С. 35–55.
20. Правовая система социализма: в 2 кн. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи / отв. ред. А.М. Васильев. М.: Юрид. лит., 1986. 368 с.
21. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. 863 с.
22. Розанов В.В. Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. СПб.: Книгоизд-во М.В. Пирожкова, 1906. 28 с.
23. Рулан Н. Историческое введение в право: учеб. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 2005. 672 с.
24. Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Норма, 1999. 301 с.
25. Семитко А.П. Российская правовая система // Теория государства и права. Екатеринбург, 1996. С. 483–510.
26. Синельников Б.М., Горшков В.А., Свечников В.П. Системный подход в научном познании. М.: Пресс, 1999. 246 с.
27. Солоневич И.Л. Дух народа // Русская идея: в 2 т. Т. 2 / сост. В.М. Пискунов. М.: Искусство, 1994. С. 298–339.
28. Солонин Ю.Н. Целостность как методологический принцип в культуроведении // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 4 (70). С. 16–34.
29. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М.: Проспект, 2000. 304 с.
30. Станкевич Л.П., Полякова И.П., Линченко А.А. О понимании целостности в западной и восточной философии // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общ. науки. 2013. № 6 (178). С. 147–152.
31. Степин В.С. Философия в эпоху перемен // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2006. № 4. С. 32–33.
32. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
33. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб.: РХГИ, 2001. 543 с.
34. Фарбер И.Е. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 56–75.
35. Философия права: курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Проспект, 2014. 512 с.
36. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская идея: в 2 т. Т. 2 / сост. В.М. Пискунов. М.: Искусство, 1994. С. 25–31.
37. Франк С.Л. Крушение кумиров. Берлин: УМСА-Press, 1924. 104 с.
38. Шульц В.Л., Кульба В.В., Шелков А.Б., Чернов И.В. Сценарный анализ в управлении геополитическим информационным противоборством. М.: Наука, 2015. 542 с.
39. Touraine A. Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992. 510 p.

⁴² См.: Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Опыт социологической диагностики. М.: Новый хронограф, 2011.

The revolutionary dimension of the right of integrity

Shultz V.L.,

Doctor of Philosophy, Professor,
Vice-President of the Russian Academy of Sciences,
Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

Bochkarev S.A.,

PhD in Law, senior researcher,
Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences
E-mail: bochkarvs@mail.ru

Abstract. *In this article we find the point of contact between revolution and law. It is determined that the epicenter of their correlation is concentrated in the phenomenon of integrity, which advocates for the rights of fundamental value, and for revolution is key anti-values. Examples of global, regional and local scale demonstrated that modern ideas about the legal-political wholes are in crisis. For prediction it is suggested to consider the revolution as an indicator of stability of political and legal system and effective methodological tool for the measurement of its integrity. Which touches upon the subject of the integrity of the theory and its status in domestic science. Identified error theory, the main of which consists in mixing and substitution of the category of «integrity» phenomenon «systematic». The necessity of recourse to anthropological image of man as the source of true beliefs about the integrity of law.*

Keywords: law, revolution, integer, integrity, value, system, anthropology of law, politics, people, globalization.

References:

1. Alekseev S.S. Pravo i pravovaja sistema // Pravovedenie. 1980. № 1. S. 27–34.
2. Afanašev V.G. Problema celostnosti filosofii i biologii. M.: Mysl', 1964. 416 s.
3. Bajtin M.I. Sushhnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). Saratov: SGAP, 2001. 416 s.
4. Blauberger I.V. Celostnost' i sistemnost' // Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik, 1977. M.: Nauka, 1977. S. 5–28.
5. Gartman N. Sistematičeskaja filosofija v sobstvennom izložhenii // Faust i Zaratustra: sb. st. nem. myslitelej nachala XX v. SPb.: Azbuka, 2001. S. 207–274.
6. Gartman N. Jetika. SPb.: Vladimir Dal', 2002. 708 s.
7. Glebov A.P. Pravovaja sistema Rossii i ee razvitie // Rossijskoe gosudarstvo i pravovaja sistema. Sovremennoe razvitie, problemy, perspektivy / pod red. Ju.N. Starilova. Voronezh, 1999. S. 280–610.
8. Gorshkov M.K. Rossijskoe obshhestvo kak ono est'. Opyt sociologičeskoj diagnostiki. M.: Novyj hronograf, 2011. 672 s.
9. Il'in I.A. Russkaja revolucija byla katastrofoj // Russkaja ideja: v 2 t. T. 2 / sost. V.M. Piskunov. M.: Iskusstvo, 1994. S. 286–296.
10. Kerimov D.A. Metodologija prava: Predmet, funkcii, problemy filosofii prava. 5-e izd. M.: SGU, 2009. 521 s.
11. Koval'čuk M.V. Nanotehnologii — fundament novej naukoemkoj jekonomiki 21 veka // Rossijskie nanotehnologii. 2007. T. 2. № 1–2. S. 6–11.
12. Kozlihina I.Ju. Netradicionnye podhody k pravoponimaniju // Sovremennye metody issledovaniya v pravovedenii. Saratov: SJuI MVD Rossii, 2007. S. 49–62.
13. Lapaeva V.V. Sovremennoe sostojanie i perspektivy rossijskoj teorii prava i gosudarstva // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2014. № 4 (1). S. 20–31.
14. Mal'cev G.V. Social'nye osnovaniya prava. M.: Norma: Infra-M, 2013. 800 s.
15. Mamardashvili M.K. Strela poznaniya (nabrosok estestvennoistoričeskoj gnoseologii). M.: Jazyki russoj kul'tury, 1997. 216 s.
16. Marchenko M.N. O priznakah «sistemny» i sistemnom haraktere prava // Vestnik MGPU. Ser.: Jurid. nauki. S. 41–54.
17. Miljukov P.N. Počemu russkaja revolucija byla neizbežna? // Russkaja ideja: v 2 t. T. 2 / sost. V.M. Piskunov. M.: Iskusstvo, 1994. S. 119–128.
18. Mironov V.V. Sovremennoe kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor transformacii kul'tury i filosofii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofija. 2006. № 4. S. 34–48.
19. Pivovarov Ju.S. Istoki i smysl russoj revolucii // Polis. Političeskie issledovaniya. 2007. № 5. S. 35–55.
20. Pravovaja sistema socializma: v 2 kn. Kn.1: Ponjatije, struktura, social'nye svjazi / otv. red. A.M. Vasil'ev. M.: Jurid. lit., 1986. 368 s.
21. Prigozhin A.I. Metody razvitija organizacij. M.: MCFJeR, 2003. 863 s.
22. Rozanov V.V. Oslabnuvšij fetiš. Psihologičeskie osnovy russoj revolucii. SPb. Knigoizd-vo M.V. Pirozhkova, 1906. 28 s.
23. Rulan N. Istoričeskoe vvedenie v pravo: učeб. posobie dlja vuzov. M.: Nota Bene, 2005. 672 c.
24. Rulan N. Juridičeskaja antropologija. M.: Norma, 1999. 301 c.
25. Semitko A.P. Rossijskaja pravovaja sistema // Teorija gosudarstva i prava. Ekaterinburg, 1996. S. 483–510.
26. Sinel'nikov B.M., Gorshkov V.A., Svečnikov V.P. Sistemnyj podhod v nauchnom poznanii. M.: Press, 1999. 246 s.
27. Solonevich I.L. Duh naroda // Russkaja ideja: v 2 t. T. 2 / sost. V.M. Piskunov. M.: Iskusstvo, 1994. S. 298–339.
28. Solonin Ju.N. Celostnost' kak metodologičeskij princip v kul'turovedenii // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2014. № 4 (70). S. 16–34.
29. Spiridonov L.I. Teorija gosudarstva i prava. M.: Prospekt, 2000. 304 s.
30. Stankevich L.P., Poljakova I.P., Linčenko A.A. O ponimanii celostnosti v zapadnoj i vostočnoj filosofii // Izvestija Vysshih učeбnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshh. nauki. 2013. № 6 (178). S. 147–152.
31. Stepin V.S. Filosofija v jepohu peremen // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofija. 2006. № 4. S. 32–33.
32. Tejjar de Sharden P. Fenomen čeloveka. M.: Nauka, 1987. 240 s.
33. Trubeckoj E.N. Trudy po filosofii prava / vstup. st., sost. i primečh. I.I. Evlampieva. SPb.: RHGI, 2001. 543 s.
34. Farber I.E. O ponimanii sovetskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 7. S. 56–75.
35. Filosofija prava: kurs lekcij: učeб. posobie: v 2 t. T. 2. / otv. red. M.N. Marchenko. M.: Prospekt, 2014. 512 s.
36. Frank S.L. Iz razmyshlenij o russoj revolucii // Russkaja ideja: v 2 t. T. 2 / sost. V.M. Piskunov. M.: Iskusstvo, 1994. S. 25–31.
37. Frank S.L. Krushenie kumirov. Berlin: YMCA-Press, 1924. 104 s.
38. Shul'c V.L., Kul'ba V.V., Shelkova A.B., Chernov I.V. Scenarnyj analiz v upravlenii geopolitičeskim informacionnym protivoborstvom. M.: Nauka, 2015. 542 s.
39. Touraine A. Critique de la modernité. Paris: Fayard, 1992. 510 p.